

Andrzej Dudek
Kraków

Время человека и вечность культуры. К вопросу о гоголевской концепции истории

Проблема восприятия истории и концептуализации времени в творчестве автора *Шинели* уже несколько раз затрагивала внимание исследователей, обсуждавших разные аспекты упомянутого вопроса. Среди существеннейших высказываний по этому поводу следует назвать голоса Семена Венгерова¹, Сергея Машинского², Михаила Вайскопфа³, Владислава Кривоноса⁴, Лидии Щегловой⁵, Леонида Страховского⁶, Ютты Мерке⁷.

Цель настоящей статьи – обратить внимание на суждения писателя о механизмах истории и личных формах ощущения времени в ракурсе представлений Гоголя о существовании культуры и искусства. Этот вопрос рассматривается здесь прежде всего на основании дискурсивных высказываний автора *Шинели*, представленных как в форме эссе, так и переписки.

Начало 30-х годов в биографии Гоголя знаменует период усиленного интереса к истории и методике ее преподавания⁸. Это время поисков источников

¹ С. Венгеров, *Писатель–гражданин. Гоголь*, [в:] Его же, *Собрание сочинений*, т. 2, Санкт-Петербург 1913, с. 19-156.

² С. Машинский, *Художественный мир Гоголя*, Москва 1979, с. 119-148.

³ М. Вайскопф, *Время и вечность в поэтике Гоголя*, [в:] *Гоголевский сборник*, Санкт-Петербург 1994, с. 3-19.

⁴ В. Кривонос, *Время и вечность в „Риме” Гоголя*, [в:] <http://vestnik.rsuh.ru/print.html?id=55209> [15.05.2009].

⁵ Л. В. Щеглова, *Поэтическое одушевление истории в творчестве Н.В. Гоголя*, [в:] Ее же, *Судьбы российского самопознания (Чаадаев и Гоголь)*, Волгоград: Изд. Перемена 2000, с. 169-184.

⁶ L. Strakhovsky, *The Historicism of Gogol*, „Slavic Review”, 1953, vol.12, № 3, p. 360-370.

⁷ J. Möhrke, *Metaphores of Time in Gogol*, „Essays in Poetics. The Journal of the British Neoformalist Circle”, 2004, vol. 29; *Gogol Special Issues in Two Volumes*, vol. II; *Aspects of Gogol*, eds. J. Andrew, R. Reid, p. 75-95.

⁸ В письме другу Гоголь подчеркивает: „Главное дело всеобщая история, а прочее стороннее – словом, все меня уверяет, что мы не должны разлучаться на жизненном пути”. См.: Н. Гоголь, *Письмо М. Погодину от 10.I.1833*, [в:] Его же, *Полное собрание сочинений*, т. 10, Ленинград:

знаний, критической оценки исторических трудов современных историков и историографических концепций великих предшественников.

Свои мнения об упомянутых вопросах Гоголь представил в нескольких статьях, опубликованных в сборнике *Арабески*. Имеются в виду такие тексты как: *О средних веках*, *О преподавании всеобщей истории*, *Ал-Мамун*, *О движении народов в V веке*, *Шлецер*, *Миллер и Гердер*, *Мысли о географии*. Важным биографическим контекстом интерпретации упомянутых высказываний являются хлопоты писателя о должности адъюнкт-профессора на кафедре всеобщей истории в Московском, Киевском и Петербургском университетах⁹. Благодаря ходатайству Василия Жуковского и Александра Пушкина¹⁰ и доброжелательному расположению министра Сергея Уварова, Гоголь стал преподавателем Петербургского университета в 1834 году. Через полтора года писатель, недовольный результатами своей преподавательской деятельности, в конце концов, как сам определил это в письме Михаилу Погодину, „расплевался с университетом”¹¹. Статьи *О преподавании всеобщей истории* и *О средних веках* сперва становили род конспектов, представленных министру с целью усилить аргументацию в прошении о штате преподавателя. Этот фактор повлиял на идеологический оттенок текстов. Гоголь старается убедить высокопоставленного покровителя как в своих исторических знаниях, знаменующих качественную профессиональную подготовку, так и в интерпретации исторических событий, соответствующей официальной установке. В заключении первой статьи подчеркивается, что преподавание истории – это орудие воспитания и формирования молодых умов:

„цель моя – образовать сердца юных слушателей той основательной опытностью, которую развертывает история, понимаемая в ее истинном величии; сделать их твердыми, мужественными в своих правилах, чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их; сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками великого государя, чтобы ни в счастье, ни в несчастье не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве – быть верными отечеству и государю”.

[*О преподавании всеобщей истории*, VIII, с. 39]

Издательство АН СССР, 1940, с. 378. Если не указано иначе, тексты Гоголя цитируются по этому изданию, с указанием тома и номера страницы.

⁹ С. Венгеров, *Писатель-гражданин...*, с. 36.

¹⁰ L. Strakhovsky, *The Historicism of Gogol...*, p. 361.

¹¹ Н. Гоголь, *Письмо М. Погодину от 6.XII.1835*, [в:] Его же, *Полное собрание сочинений*, т. 10, Ленинград: Издательство АН СССР 1940, с. 378.

Таким образом, преподаваемая история явится Гоголю уроком жизни и фактором, формирующим склад личности. Преподаватель, в восприятии писателя, предстает в качестве наставника, указывающего ученикам с помощью исторических лекций проверенные временем ценности. Такое представление о преподавании свидетельствует о том, что история считалась Гоголем в это время не только „учительницей жизни”, но также орудием борьбы за национальное сознание русских. Учитывая время создания этого текста (1832 г.), упоминаемые писателем „минутные волнения” и „фанатики”, угрожавшие мировоззренческими сдвигами в патриотической установке молодежи, это намеки на тревогу, вызванную в кругу правящих элит России вестями о революционных событиях в Европе (1830 г. – польское восстание, революция в Бельгии; 1832 г. – революция во Франции)¹². Обращение писателя к министру Уварову, который через год (21.03.1833) направит попечителям учебных округов документ, излагающий принципы доктрины официальной народности¹³, вписывается в ожидания властей подготовить программу укрепления авторитета монархии среди подданных русского царя и таким способом предотвратить опасное заблуждение умов. Гоголь стремится уверить властей Министерства просвещения в том, что его дидактическая и научная установка созвучна „направлению националистических исканий”¹⁴.

Кроме заметной доли монархических положений, среди предлагаемых Гоголем методологических принципов появляется убеждение в необходимости найти идею, объединяющую исследуемые события, указать их цель, внутреннюю связь и направление развития [*О средних веках*, т. VIII, с. 16]. В начале 30-х годов Гоголь интересуется возможностью построить модель всеобщей истории, в которой события будут связаны мыслью о развивающемся человечестве. В связи с этим, писатель-историк подчеркивает свое убеждение в том, что история – это отражение мудрости и доказательство вписанного в ход событий, предначертанного Провиденьем плана развития человечества: „всеобщая история представит у меня великую лестницу веков” [*О преподавании всеобщей истории*, VIII, с. 38]¹⁵. Это мнение выражает как историософскую установку Гоголя-историка, так и мотивированный ею мнемотехнический способ привести в порядок излагаемый материал и способствовать его освоению слушателями. Согласно этой концепции, всеобщая история это не простое

¹² M. Heller, *Historia Imperium rosyjskiego*, Warszawa: Wyd. „Książka i Wiedza” 2000, s. 562.

¹³ П. Н. Милюков, *Очерки по истории русской культуры*, т. 2, Москва: Изд. „Прогресс”. „Культура”. Редакция газеты „Труд” 1994, с. 299-300. См. также статью: *Народность официальная*, [в:] *Idee w Rosji. Идеи в России. Ideas in Russia. Leksykon polsko-rosyjsko-angielski*, red. A. de Lazari, t. 1, Warszawa: Wyd. Sempier 1999, s. 280- 282.

¹⁴ М. Вайскопф, *Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст*, Москва 1993, с. 178.

¹⁵ Л.В. Щеглова, *Поэтическое одушевление истории в творчестве Н.В. Гоголя ...*, с. 174.

собрание фактов, но особенный порядок их изложения. Эта просвещенская¹⁶, по сути дела, установка концентрируется на эволюции человечества. Гоголь, вдохновленный мыслителями западного Просвещения, считает, что государства, народы и события являются лишь временными формами культуры. Однако, стремление объединить универсальной моделью разные образы систем власти и народов не обозначает пренебрежения их своеобразными приметами. Историк должен подобрать для характеристики самые яркие и выразительные черты. Таким образом, построение всеобщей истории – это работа, в которой одновременно учитывается принцип универсализации мышления и сохранения своеобразия единичных проявлений жизни [*О преподавании всеобщей истории*, VIII, с. 26-27].

Воспитательская цель курса достигнется, если преподаватель укажет в составленной им цепи явлений следы мудрости Провидения. В связи с этим определяется очередное задание историка – создать аксиологическую иерархию событий и их последствий. В истории бывают, по мнению Гоголя, главные и побочные ветви развития. На провиденциональный характер эволюции указывают прежде всего „маяки истории” [*О преподавании всеобщей истории*, VIII, с. 28] – самые важные факты, умело выделенные исследователем.

Среди своих учителей – мастеров искусства истории – Гоголь указывает на историографов и историософов XVIII века – Августа Шлёцера¹⁷, Иоганна

¹⁶ Леонид Страхановский считает, что идея всеобщей истории в восприятии Гоголя получает романтическую окраску: „His approach was colored with Romanticism, understandable enough since Romanticism was the expression of the epoche”. См.: L. Strakhovsky, *The Historicism of Gogol...*, p. 362. Романтический подход к изложению идеи древних событий, как замечает исследователь, находит свое ярчайшее выражение в трактовке Гоголем средних веков, а особенно – в подчеркивании характерного для этой эпохи обожествления женщины и убеждения автора *Ревизора* в том, что средневековые – это эпоха, исполненная чудес. См.: там же, p. 364-365.

¹⁷ Август Людвиг Шлёцер [A.L. Schlözer] – немецкий историк (1735-1809). Работал в России с 1760 по 1767 гг. Был сторонником норманской теории происхождения власти на Руси. Занимался исследованием русских летописей. В работе историка самым важным, по его мнению, является стремление построить всеобщую историю. Он обращал внимание на роль отбора анализируемых фактов. Среди изданных им работ следует назвать *Русскую правду*, *Судебник царя Иоанна*, *Русскую историю до основания города Москвы (1147г.)* (на немецком языке), две первые части *Никоновской летописи*. Как замечает В. Ключевский, переводы его трудов на русский „долго служили для школьного употребления”. См.: В. Ключевский, *Лекции по русской историографии*, [в:] Его же, *Сочинения в восьми томах*, т. VIII, *Исследования, рецензии, речи (1890-1905)*, Москва: Изд. социально-экономической литературы 1959. Лекции VIII-XI. Я пользуюсь электронным вариантом: <http://klyuchevskij-v-o.org.ru/16/18> [15.05.2009]. См. также статью: Шлёцер, [в:] http://fh.grsu.by/Kafedry/03/academic_process/009/dopinf [15.05.2009]. Шлёцер требовал, чтобы исследователь русской истории владел как иностранными, так и славянскими языками, знал труды западных историков. В исследовательской работе с источниками, по его мнению, необходимы как „критика слов”, так и „критика дел”. См.: Т.Н. Джаксон, *Он подготовил развитие исторической науки XIX века: Август Людвиг Шлёцер*, [в:] *Историки России. XVIII – начало XX века*, отв. ред. А.Н. Сахаров, Москва 1996, с. 64.

Мюллера¹⁸ и Иоганна Готфрида Гердера¹⁹, называя их „великими зодчими истории” [Шлецер, Миллер, Гердер, VIII, с. 85]. Особенно ярким кажется влияние на автора *Идей к философии истории человечества*. Гердеровским концептам Гоголь обязан идеей влияния натуральной среды на облик народов („Она [география – A. D.] должна показать как положение земли имело влияние на целые нации” [О преподавании всеобщей истории, VIII, с. 28]), поисками универсальной идеи эволюции человечества („он видит одного человека как представителя всего человечества” [Шлецер, Миллер, Гердер, VIII, с. 88])²⁰ и мнением об азиатских истоках первобытной культуры („Я должен представить, каким образом человечество началось Востоком”; „Азия – колыбель младенствующего человечества” [О преподавании всеобщей истории, VIII, с. 28, 36])²¹.

Кроме названных выше имен историков, Гоголь подчеркивает в переписке, что его авторитетным наставником был также Михаил Погодин. В рецензии на исторические афоризмы, подготовленной для „Современника”, Гоголь подчеркнул, что Погодин был первым в России, кто сказал „что история должна из всего рода человеческого сотворить одну единицу, одного человека” [Исторические афоризмы Михаила Погодина, VIII, с. 191]. Семен Венгеров доказывает²², что особенно ценились Гоголем также авторы французских монографий: Вильмен²³,

¹⁸ Иоганн Мюллер [J. Müller] (1752-1809) – швейцарский историк, автор, в частности, таких трудов, как *Geschichte der Schweiz. Eidgenossenschaft*, т. 1-5, Leipzig 1786-1808; *24 Bücher allgemeiner Geschichte*, Tübingen 1811 и *Reisen der Päpste*, Frankfurt am Main 1782.

¹⁹ Иоганн-Готфрид Гердер [J.-G. Herder] – 1744-1803. Философ, представитель эпохи „Бури и натиска”, автор, в частности, таких трудов, как *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*, Riga 1784-1791; *Briefe zur Beförderung der Humanität*, Riga 1793-1797. Основоположник историософии. См.: T. Naumowicz, *Johann Gotfried Herder – szczególny charakter jego twórczości i jej recepcji*, [w:] J.-G. Herder, *Wybór pism*, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich 1987, s. V-XXVII. Сокращенный русский перевод *Идей к философии истории* появился в Москве в 1829 г. См.: *Примечания*, [в:] Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений*, т. 8. Статьи, Ленинград: Издательство АН СССР 1952, с. 760. Гердер в начале 3 главы 10 книги своего трактата замечает: „Откуда происходят все народы Европы? Из Азии”. В дальнейшем, немецкий философ утверждает: „Не надо широко доказывать, что науки и искусства культивировались впервые в Азии и в граничащем с нею Египте [...]”. См.: J.-G. Herder, *Myśli o filozofii dziejów*, przeł. J. Gałęcki, t. 1, Warszawa: PWN 1962, s. 447, 453. [Перевод мой – А. Д.].

²⁰ *Философия культуры. Становление и развитие*, под ред. М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э. П. Юровской, Санкт-Петербург: Изд. „Лань” 1998, с. 55-58. См. также: *История культурологии*, под ред. А. Огурцова, Москва: Гардарики 2006, с. 42-44.

²¹ А. И. Шендрик, *Теория культуры*, Москва: Изд. политической литературы „Единство” 2002, с. 138-139.

²² С. Венгеров, *Писатель –гражданин. Гоголь...*, с. 47-48.

²³ Абель Ф. Вильмен [Abel François Villemain] (1790-1870) – представитель французской романтической историографии, автор изданного в 1827 году в Париже труда *Mélanges historiques et littéraires* а также книги *Cours de littérature française*, т. 1-2, 1828-1829. См.: *Краткая литературная энциклопедия*, Москва 1962, [в:] <http://feb-web.ru/feb/kle/Kle-abc/ke1/ke1-9741.htm> [20.05.2009].

Тьерри²⁴, Гизо²⁵ и Мишле²⁶. Английские же авторы (Гиббон, Галлам)²⁷ были известны писателю во французских переводах. В письме Погодину 1833 года Гоголь сознается, что он сам тоже хочет стать таким зодчим истории, руководствуясь принципом оригинальности. Получив книгу немецкого историка Карла Беттигера²⁸, Гоголь заметил у него мысли сходные со своими и поэтому вычеркнул их из заранее подготовленной лекции [*Письмо М.П. Погодину от 01.02.1833*, X, с. 256]. Готовясь к преподавательской работе, Гоголь создал библиографический список трудов, используемых им при характеристике средневековья. Все упомянутые там труды были подразделены писателем на три типа публикаций: „всеобщие истории средних веков”, „отдельные истории государств, событий и явлений средних веков” и „современные летописи, материалы, требующие ученой разработки” [*Библиография средних веков*, IX, s. 101] и снабжены краткими характеристиками. Объясняя недостаток публикаций первого типа, писатель обращает внимание на объективную трудность охватить „необыкновенное обилие и разнообразие предметов, из которых сложена средняя история”. Интересным в контексте писательских деклараций о принципах преподавания всеобщей истории, изложенных в упомянутом выше конспекте, представленном министру Уварову, является мнение Гоголя, выраженное в записной книжке, о том, что создание труда общего характера о средневековье „почти невозможно, или требует глубоко, многостороннего гения” [*Библиография средних веков*, IX, s. 101]. Следовательно, в духе типичного для романтической установки и характерного для молодого Гоголя убеждения в ожидавшей его масштабной миссии, писатель считал именно себя подготовленным к труду, требующему гениальных способностей²⁹.

В созданных в 30-е годы текстах, объединенных мыслью о всеобщей истории, писатель вводит категории эпохи и столетия в качестве хронологической

²⁴ Огюстен Тьерри [Augustin Thierry] (1795-1856) – автор труда *L'Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands*, Paris 1825.

²⁵ Франсуа-Пьер-Гильом Гизо [François-Pierre-Guillaume Guizot] (1787—1874) – французский историк и политик. Автор, в частности, *Histoire de la civilisation en France*, Paris 1830, а также труда *Histoire de la civilisation en Europe*, Paris 1828. См.: *Encyklopaedia Britannica*, [в:] <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/249050/Francois-Guizot> [15.05.2009].

²⁶ Жюль Мишле [Jules Michelet] (1798-1874). По мнению Венгерова, Гоголь знал книгу Мишле *Introduction à l'histoire universelle*, Paris 1831.

²⁷ Гоголь пользовался французским переводом книги Э. Гиббона [Edward Gibbon] *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire* и труда Г. Галлама [Henry Hallam] *The View of the State of Europe during the Middle Ages* впервые опубликованного в 1818 г.

²⁸ Карл Вильгельм Бёттигер (Karl W. Böttiger; 1790-1862) – немецкий историк, археолог. Гоголь читал в русском переводе книгу *Общая история Беттигера в 3 книжках, курс гимназический*, Москва 1833. См.: В. Гиппиус, *Гоголь. Воспоминания. Письма. Дневники...*, Москва 1999, [в:] <http://lib.rus.ec/b/140059/read> [15.05.2009].

²⁹ К. Мочульский, *Гоголь*, [в:] *Его же, Гоголь. Соловьев. Достоевский*, Москва: Издательство Республика 1995, с. 10.

меры хода времени и критерия, объединяющего выделенные факты. Эпохи, выстроенные в хронологический порядок, уподобляются современным концепциям цивилизаций³⁰. Одновременно, менее важным для Гоголя является диахронический ритм развития эпох, а внимание писателя-историка концентрируется на характеристике образа жизни людей, проживавших в это время в определенном, освоенном пространстве. Синхронически воспринимаемая эпоха, с одной стороны, благодаря задержанному ходу времени, позволяет воссоздать единую картину и наметить в ней характерные черты композиции, которые становятся, таким образом, искомыми историком принципами конструкции мироздания. С другой стороны, приостановленный в изложении ход времени подчеркивает значение пространственных характеристик среды, климата, почвы, растений, влиявших на облик и ментальность народов [*Мысли о географии*, VIII, с. 103].

Надо подчеркнуть при этом, что в анализах писателя, эпоха-цивилизация изображается как непроницаемая, самобытная структура, не подвергавшаяся процессам культурной диффузии (идея распространения цивилизации упоминается Гоголем в связи с убеждением в азиатских корнях европейской культуры). Заимствования из соседних культур и проблема влияния культур друг на друга станут элементом гоголевского историографического дискурса только в характеристиках развития истории с времен средневековья³¹.

Среди выделенных Гоголем эпох-цивилизаций упоминается азиатская, которая считается колыбелью человечества, египетская, греческая, римская и средневековая [*Жизнь*, VIII, с. 82-83]. Михаил Вайскопф обращает внимание на другую попытку – определить ход прогресса истории с помощью одних пространственных критериев, применяемых Гоголем в более раннем тексте – *Мысли о географии* (1829), где, кроме указания на „азиатское младенчество” человечества, говорится об африканском „грубом юношестве” и европейской „зрелости ума”, а также об американской „чувственности”³².

Этапы эволюции истории характеризуются с помощью сравнения со стадиями развития человека³³. В истории человечества архаические эпохи, вплоть

³⁰ A. Dudek, *Gogol's Vision of Culture*, „Essays in Poetics. The Journal of the British Neoformalist Circle”, 2004, vol. 29; *Gogol Special Issues in Two Volumes*, vol. II) ; *Aspects of Gogol*, eds. J. Andrew, R. Reid, p. 17-30.

³¹ В *Записной книжке 1842 года* Гоголь обращает внимание на плохие последствия диффузии, которая, в случае контакта России и Европы со времен Петра I, обернулась бескритичной аккультурацией русскими западных образцов как нужных, так и ненужных, поверхностных и зловердных. Проводимая без различия и сознания аккультурация определяется писателем как „стремление к обезьянству”. См.: Н. Гоголь, *Выдержки из карманных записных книжек*, [в:] Его же, *Полное собрание сочинений в двух томах*, ред. А. Г. Филонова, т. 1, Санкт-Петербург: Издание Н. Аскаханова 1902, с. 805.

³² М. Вайскопф, *Сюжет Гоголя...*, с. 188.

³³ Это один из древнейших способов периодизации истории. Блаженный Августин в своем трактате *De Civitate Dei* (424 г.) выделяет 6 этапов истории человечества, соответствующих 6

до средневековья, были этапами детства и юношества. XIX век – уподобляется периоду старости: „Если можно сравнить жизнь одного человека с жизнью целого человечества, то средние века будут то же, что время воспитания человека в школе” [*О средних веках*, VIII, с. 24].

Особого внимания писателя-историка заслужило средневековье. Общие черты жизни, по его мнению, в ту пору отличались оригинальностью, разнообразием, отвагой и выразительностью [*О средних веках*, VIII, с. 17]. Главная тема средневековой истории – это укрепление папской власти – знак удивительной мудрости Провиденья, которое позволяет молодым народам развиваться под покровительством папского престола. Когда же эта цель осуществлена – власть пап слабеет. Чрезвычайное значение недоцениваемого историками средневековья заключается в том, что источники современной европейской культуры, как считает Гоголь, следует искать именно в том времени:

„Все события мира, приближаясь к этим векам, после долгой неподвижности, текут с усиленною быстротою, как в пучину, как в мятежный водоворот, и, закружившись в нем, перемешавшись, переродившись, выходят свежими волнами. В них совершилось великое преобразование всего мира; они составляют узел, связывающий мир древний с новым (...). Все, что мы имеем, чем пользуемся, чем можем похвалиться перед другими веками, все устройство и искусное сложение наших административных частей, все отношения разных сословий между собою, самые даже сословия, наша религия, наши права и привилегии, нравы и обычаи, самые знания, совершившие такой быстрый прогрессивный ход, – все это или получило начало и зародыш, или даже развилось и образовалось в темные, закрытые для нас средние века” [*О средних веках*, VIII, с. 14].

Начиная со средневековья, гоголевская характеристика ритма истории проводится с помощью категории столетия. Три из них характеризуются шире: V, XIII и XIX.

В эссе *О движении народов в конце V века* выдвигается идея разнообразия географического пространства как главного фактора, способствующего дифференциации европейских народов. В тексте *Взгляд на составление Малороссии* – XIII век – это, по словам Гоголя, „ужасно ничтожное время” [*Взгляд на составление Малороссии*, VIII, с. 40], исполненное хаоса братских браней за преходящие ценности. Жизнь, хаотические приметы которой можно было заметить в частях, но никак не в целом государстве, повлияла на ощущение

стадиям возрастания человека. В истории человечества после 6-ого этапа (второе пришествие Христа) Аврелий Августин предусматривает онтологическую трансформацию действительности, которая войдет в измерение вечности. См. Кн. Е. Трубецкой, *Философия христианской теократии в V веке. Учение о граде Божием бл. Августина*, ч. V-IX (окончание) „Воросы философии и психологии” 1892, кн. 14, с. 12.

застоя – история превратилась тогда в географию. Также и XIX век подвергается суровой критике писателя. Это время кризиса культуры, ее измельчания и раздробления, вызванных ослаблением уважения к религиозной идее, которая до сих пор была связующим элементом культуры:

„А мы, со всеми нашими огромными средствами и орудиями к совершенствованию, с опытами всех веков, с гибкой и переимчивой нашей природой, с религией, которая именно дана нам на то, чтобы сделать из нас святых и небесных людей, – со всеми этими орудиями, умели дойти до какого-то неряшества и неустройства как внешнего, так и внутреннего, умели сделаться лоскутными, мелкими, от головы до самого платья нашего, и, ко всему еще в прибавку, опротивели до того друг другу, что не уважает никто никого, даже не выключая и тех, которые толкуют об уважении ко всем” [*Об Одиссее, переводимой Жуковским*, VIII, с. 244].

Раскритикованные проявления недостатка ощущения идентичности, по мнению писателя-историка, являются следствием недостатка сознания значения преемственности и ослабления исторической памяти в обществе XIX века. Созданная Гоголем картина современности – это действительность, в которой распалась связь времен. Человек XIX века существует лишь в потоке настоящего времени, без цели, без памяти о прошлом и поэтому у него нет прочных ориентиров идентичности. В XIX столетии у всех преобладает чувство переходного характера времени [*Авторская исповедь*, VIII, 455] и стремление к аналитическому обособлению частей культуры. Недостаток идеи, объединяющей культуру, это результат забвения христианских корней Европы и России³⁴. Результатом такой установки является духовная пустота, охватывающая человека XIX столетия. Его жизнь лишена глубины, так как все „от поэта до кондитера” [*Последний день Помпеи*, VIII, 108] стремятся исключительно к тому, чтобы производить внешний эффект. Без объединяющей эпоху идеи прекращают свое регулирующее действие факторы обязательства, своевременности, ответственности³⁵. Всем этим темпоральным аспектам общественной жизни Гоголь придавал метафизический смысл – особенно в *Выбранных местах из переписки с друзьями*. Сформулированный дискурсивным языком диагноз состояния культуры XIX века находит свое отражение в художественном мире текстов Гоголя, где изображенный человек с опустошенной душой оказывается в состоянии небытия: вне времени и вне вечности³⁶.

³⁴ Прот. В. Зеньковский, *Н. В. Гоголь*, Париж: YMCA-Press, без даты, с. 173.

³⁵ F. Koneczny, *O wielości cywilizacji*, Kraków: Wyd. Gebethner i Wolf 1935. Reprint: Wydawnictwo Antyk Marcin Dybowski, Komorów, s. 284-285.

³⁶ A. Woźniak, *Gogol i Dostojewski. Od antropologii do bogocześnictwa*, [w:] *Słowianie Wschodni. Duchowość. Mentalność. Kultura*, pod red. A. Raźny, D. Piwowskiej, Kraków 1997, s. 123.

В изложении писателя, особенностью столетий, в отличие от эпох, является внутренняя динамика развития данного периода. Гоголь убеждает министра Уварова в необходимости характеристики начала, середины, конца каждого века. Информация о существеннейших приметах этих этапов развития дополняется рефлексией о духе времени данного века [*О преподавании всеобщей истории*, VIII, с. 38].

Гоголь считает, что малороссийские народные песни – это важный источник исторической информации, так как в них отражается правда о жизни. Это мнение, а также убеждение во влиянии Божьего Промысла на ход событий и использование в обсуждении и воспроизведении образов единиц исторического процесса категории духа времени являются романтической составной исторического сознания писателя. Просвещенский же универсализм – другая сторона в гоголевском образе истории.

Независимо от опубликованных воззрений на изучение и преподавание истории, эпистолярное наследие доставляет много материала о гоголевском ощущении времени. Этот уровень концептуализации часто соприкасается с теоретическими суждениями Гоголя-историка. Гоголевское осмысление вопроса: „что есть время?” отличается сознательно выраженной мировоззренческой установкой. В письмах автора *Шинели* можем выделить три типа ощущения времени. Один из них – это время секулярное, конкретизируемое с помощью установленных человеком искусственных единиц измерения, таких как год, месяц, неделя, срок. Все они в высказываниях писателя появляются в контексте житейских трудностей, нищеты, недостатка денег, творческого бессилия: „что месяц, что неделя, то новая утрата” [*Письмо П. А. Плетневу от 28.03.1837*, XI, с. 88]; „я вот полгода сижу в Риме без денег” [*Письмо С. Аксакову от 18.03.1843*, XII, с. 152]. Второй тип ощущения относится к натуральному, циклическому времени природы. Времена года, как проявления высшего, независимого от человека порядка, правда, влияют на поведение, не вызывая однако возмущения по поводу обстоятельств: „Время близится к лету; в это время книги сбываются плохо” [*Письмо С. Аксакову от 13.03.1841*, XI, с. 332]. Третий тип – это выделенные в общем движении естественного времени дискретные моменты, которые приобретают специальное, кайротическое значение³⁷. В эти моменты наступает непродолжительная перемена жизни, вследствие чего прозревающий человек в струе хаотических явлений способен разглядеть вневременный смысл. Это отрезки в линейном потоке времени, когда человек приближается к неясному и кратковременному ощущению неограниченной реальности вечного. Точкой соприкосновения этих двух действительностей (т.е. времени и вечности) является мгновение. Гоголь увещева-

³⁷ G. Pattaro, *The Christian Conception of Time*. Я пользуюсь польским изданием этого текста: G. Pattaro, *Pojmowanie czasu w chrześcijaństwie*, [w:] *Czas w kulturze*, Warszawa: PIW 1988, s. 296.

ет К. Аксакова: „помните вечно, что каждая втуне потраченная минута здесь, неумолимо спросится там” [*Письмо К. Аксакову, март (?) 1841, XI, с. 338*]. Кайротическим смыслом наделены в высказываниях Гоголя день, минута и час. Минута чаще всего ассоциируется в письмах автора *Ревизора* с духовным ощущением неполноценности жизни, поглощенной струей настоящего времени, о чем часто напоминают моменты страдания, уныния, тоски:

„Помните, что в минуты уныния Бог к нам ближе, чем когда-либо, если только вы не позабудете позвать его [*Письмо А. Смирновой от 24.10.1844, XII, с. 355*].

„(...) Я убеждаюсь ежедневным опытом всякого часа и всякой минуты, что здесь, в этой жизни, должны мы работать не для себя, но для Бога. Опасно на миг упустить это из виду” [*Письмо А. Виельгорской от 16.04.1849, XIV, с. 120*].

Этот тип восприятия связи времени и вечности преобладает в эссе и эпистолярных высказываниях писателя, относящихся к сороковым годам. Писатель, проникнутый Божиим страхом и ужасом смерти, бывало, по мнению приятелей, часто застывавший без движения, будто „выключал себя” на некоторое время из струи явлений³⁸.

Необыкновенным свойством кайротического часа в восприятии Гоголя является то, что человек может его выбрать. Посылая друзьям книгу Фомы Кемпийского *Подражание Христу*, писатель снабжает свое письмо советами:

„Читайте всякий день по одной главе, не больше. Если даже глава велика разделите на-двое. (...). Изберите для этого душевного занятия час свободный и неутруженный, который бы служил началом вашего дня. (...) Не переменяйте и не отдавайте этого часа ни на что другое”.

[*Письмо С.Т. Аксакову, М.П. Погодину и С.П. Шевыреву, январь 1844, XII, 248-249*]

В очередном письме Гоголь объясняет: „Уходить в себя мы можем среди всех препятствий и волнений” [*Письмо к С. П. Шевыреву, от 2 февраля 1844, XII, 250*].

Час – это время выхода из суеты и пребывания в контемплативном состоянии приближения к христианскому идеалу жизни. Для самого Гоголя ощущение необыкновенной перемены появляется при переживании Великого Поста и Светлого Воскресения. Хаотическая и раздробленная жизнь приобретает в эти моменты утраченное чувство смысла и гармонии. Писатель усматрива-

³⁸ К. Мочульский, *Духовный путь Гоголя...*, с. 32.

ет причину антропологического кризиса в запятовании о присутствии Бога в мире и в недостатке сознания приближающегося дня гнева Божия. Человек XIX века, по мнению Гоголя, „не боится преступать несколько раз в день первейшие и святейшие законы Христа, и между тем боится не исполнить ее [моды – А. Д.] малейшего приказанья, дрожа пред нею как робкий мальчишка” [*Светлое Воскресенье*, VIII, с. 415].

Несколько раз Гоголь напоминает своим друзьям³⁹ не заботиться о будущем, так как христианин должен доверять мудрости Провидения. Сам, однако, в *Выбранных местах из переписки с друзьями* пытается построить как утопический образ будущего страны, так и в *Завещании* – дать распоряжения о желаемой форме похорон и судьбе творческого наследия после своей смерти:

„Предать же тело мое земле, не разбирая места, где лежать ему, ничего не связывать с оставшимся прахом (...). Завещаю вообще никому не оплакивать меня, и грех себе возьмет на душу тот, кто станет почитать смерть мою какой-нибудь значительной или всеобщей утратой. (...) Но возлагаю вместо того обязанность на друзей моих собрать все мои письма, писанные кому-либо, начиная с 1844 года, и, сделавши из них строгий выбор только того, что может доставить пользу душе, а все прочее, служащее для пустого развлечения, отвергнувши, издать отдельною книгою”.

[*Завещание*, VIII, с. 219-220, 222]

По мнению Гоголя, искусство, благодаря своей способности выдержать испытание времён, могло бы вернуть человеку XIX столетия утраченные ощущения цельности и смысла текущих событий. В своей рефлексии о картине Брюллова *Последний день Помпеи* [*Последний день Помпеи* VIII, 107-114], о живописи Иванова [*Исторический живописец Иванов*, VIII, 328- 337], о функции театра [*О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности*, VIII, 267-281], о посланничестве лирического поэта [*О лиризме наших поэтов*, VIII, 248-261; *Предметы для лирического поэта в нынешнее время*, VIII, 278-281; *Об Одиссее, переводимой Жуковским*, VIII, с. 236-244]⁴⁰ Гоголь подчеркивает универсальный вневременный характер красоты и ее дидактические возможности возвышать эстетические чувства, очищать язык, распространять интерес к временам юности человечества, исправлять нравы, вносить „стройность и порядок” в душу [*Письмо В. Жуковскому от 10 января 1848*, XIV, с. 37). „В Одиссее услышит сильный упрек себе наш девятнадцатый век” [*Об Одиссее, переводимой Жуковским*, VIII, с. 243].

³⁹ См.: *Письмо Языкову от 3(15) февраля 1844*, XII, 261-262; *Близорукому приятелю*, VIII, 347.

⁴⁰ За исключением вошедшей в состав *Арабесок* статьи о картине Брюллова, все остальные упомянутые тексты – это главы из книги *Выбранные места из переписки с друзьями*.

В письме Языкову, Гоголь призывает друга-поэта, чтоб тот осознал вечный закон лирической поэзии: „Бей в прошедшем настоящее (...). Прошедшее выступит живее, настоящее объяснится яснее” [*Письмо Н. Языкову от 26 декабря 1844*, XII, с. 421].

В размышлениях по поводу конкретных великих произведений искусства Гоголь замечает их способность не поддаваться уничтожающему влиянию времени. Картина Брюллова, по словам писателя, „останется навеки в памяти” [*Последний день Помпеи* VIII, 112]. В ранней статье (1831) *Скульптура, живопись, музыка* названные виды искусства интерпретируются опять же как проявление мудрости Провидения, которое ниспослало очередным эпохам согласованные с уровнем впечатлительности человека формы облагораживания его натуры. В древности это скульптура со своей способностью задерживать мгновение в форме мрамора убеждала человека в его красоте. В эпоху беспокойствия, торжества силы и суеверий таким даром была живопись, конкретизирующая „небесные наслаждения угодников” [*Скульптура, живопись, музыка*, VIII, 13]. В современности такую роль играет музыка. Ее задание: будить спящие души людей и возвышать их к зиждительно мира. Гоголь, взволнованный замеченными в XIX веке симптомами разложения и измельчания культуры, беспокоится: „если и музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?”.

В размышлениях автора *Ревизора* именно искусство, восстанавливая связь времён, может вернуть человеку утраченное чувство цельности души. Эстетика и спасательная функция красоты оказываются формой общей идеи, которую историк-Гоголь искал в исследуемых им вереницах событий.

На основании вышесказанного можем прийти к выводу, что произведения великого искусства воспринимаются Гоголем как своеобразные проблески вечности, символы, указывающие на нее⁴¹. Недостатки же и кризисы современной культуры, по его мнению, не должны приводить человека в отчаяние. Истинная культура – это не данность, но задание, результат исполнения которого напоминает, по сути дела, Августинов Божий Град.

В черновике письма Белинскому Гоголь написал: „Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства”⁴².

⁴¹ Такая установка выражена также и в рассказе *Рим*. См: В. Кривонос, *Время и вечность в „Риме” Гоголя*, [в:] <http://vestnik.rsuh.ru/print.html?id=55209> [15.05.2009].

⁴² С. Бочаров, *Загадка “Носа” и тайна лица*, [в:] *Гоголь: история и современность. (К 175 – летию со дня рождения)*, Москва: „Советская Россия” 1985, с. 184.

SUMMARY

**The Time of Man and Eternity of Culture.
On Some Aspects of Gogol's Concept of History**

The text deals with the problem of Gogol's concept of history and time perception in the context of writer's vision of culture. The analyzes is based on essays and letters of the author of *Dead Souls*. Gogol's special interest in history and methodology of lecturing on history are connected with writer's attempts to get the position of lecturer in The University of Sankt Petersburg at the beginning of 30s in 19th century. The concept of history expressed by Gogol is influenced by typical for Enlightenment historical and historiosophical ideas raised by J.-G. Herder, A.L. Schläzer J. Müller, as well as by utterances characteristic for Romanticism interpretations Middle Ages. Gogol applies in his descriptions the category of epoch (resembling in its features the idea of civilization) and the category of century. According to the Russian writer the course of history recalls the development man. Due to atrophy of historical memory and visible disrespect for religious idea (regarded unifying factor of culture), Gogol's opinion about 19th century is critical. In his letters Gogol used to talk about 3 types of time perception: a) secular, measured by artificially established units such as year, month, week, period, usually associated with unpleasant life experiences, b) cyclical time of Nature, c) discontinuous kairotic time (measured by days, hours, minutes) in which man for a while receives an opportunity to experience eternity. According to Gogol art is a God's gift and a sort of a flash of eternity ennobling human's nature and merging disintegrated consciousness.